

Вэй Тинсуй повела плечами и повторила:

– Ты делаешь мне больно.

Чжэнь Вэньцзюнь, словно очнувшись ото сна, поспешно разжала руки и в полной суматохе принялась зажигать огонь.

Когда она поднесла масляную лампу ближе, тёплый оранжевый свет и впрямь озарил лицо Вэй Тинсуй, на губах которой играла едва заметная лукавая улыбка.

– Это и вправду ты... – Чжэнь Вэньцзюнь не знала, плакать ей или смеяться. – А я-то испугалась, что какая-то дикая лисица-оборотень явилась меня соблазнить, чтобы выпить все жизненные силы.

– Мечтать не вредно, – Вэй Тинсуй слегка потянулась, пытаясь унять ломоту в пояснице и ногах.

Прошлой ночью, дождавшись, пока Чжэнь Вэньцзюнь крепко уснёт, она тайком пробралась к ней в шатёр исключительно ради того, чтобы этим утром насладиться столь незабываемым выражением её лица. Своё маленькое желание она исполнила, однако теперь всё её тело ломило от дискомфорта. Только сейчас она воочию убедилась, в каких суровых условиях Чжэнь Вэньцзюнь устроилась в походе. На твёрдую холодную землю была постелена лишь какая-то ткань, поверх брошено простенькое одеяло, да и укрывались они тонким, куцым пледом. Не будь объятия Чжэнь Вэньцзюнь такими горячими, Вэй Тинсуй за одну эту ночь замёрзла бы до полусмерти.

Вэй Тинсуй чувствовала себя разбитой, но из гордости помалкивала.

– Плохо спалось, да? – убедившись, что перед ней действительно её возлюбленная, Чжэнь Вэньцзюнь пристроила лампу у края подстилки и сурово насупила брови. – Да и как тут уснёшь! Дома у тебя на постели лежит толстенный матрас из сгущённого сока каучукового дерева, мягкий настолько, что кости плавятся, и даже так поутру ты то и дело жалуешься на боли в спине. А тут? – Чжэнь Вэньцзюнь с досадой хлопнула ладонью по жёсткой подстилке. – Как ты вообще это вытерпела?

– Не недооценивай меня, – строго осадил её Вэй Тинсуй. – Пускай с малых лет ноги мои не ходили, я всё же изъездила всю Великую Юй. И полагалась я при этом не только на чужую прислугу, но и на собственное упрямство.

– Конечно же, моя Цзычжо невероятно сильна. Ты побывала во многих краях и знаешь о вещах, которых я и представить не могу. Но это ведь не мешает мне беспокоиться и переживать за тебя, верно? Точно так же, как и ты переживаешь за меня, не желая отпускать одну навстречу опасностям за тысячи гор и рек. Ты притворилась, будто остаёшься, а сама тайно последовала за караваном и, пока я спала, забралась ко мне в объятия.

В голосе Чжэнь Вэньцзюнь сквозила безграничная нежность.

Она слишком хорошо знала, через какие испытания довелось пройти Вэй Тинсуй. Та долгие годы ковала из своих былых ран непробиваемую броню, и какого бы труда это ни стоило, она своего добилась. Чжэнь Вэньцзюнь меньше всего на свете хотелось неосторожным движением сорвать этот доспех с самого близкого человека, ведь сорвать его значило содрать живое мясо с кровью. Честь, гордость и достоинство Вэй Тинсуй – вот то, что Чжэнь Вэньцзюнь желала оберегать пуще собственного глаза.

Слова Чжэнь Вэньцзюнь пришлись Вэй Тинсюй по душе.

– Гляжу, языком ты чесать горазда, с каждым днём всё проворнее. Вот только ни за каким караваном я не следовала, – Вэй Тинсюй принялась аккуратно поправлять одежды. – Просто нам оказалось по пути. Ты плетёшься как черепаха, вот я тебя случайно и нагнала.

– О-о, – протянула Чжэнь Вэньцзюнь. – Надо же, какое поразительное совпадение. И куда же держит путь моя Цзычжо?

– Собрались с близкими друзьями на прогулку, уезжаем на юг, подальше от зимней стужи и ледяных ветров, – стоило Вэй Тинсюй откинуть полог шатра, как внутрь мгновенно ворвался до боли знакомый звонкий хохот.

– В прошлый раз в Суду мы так спешили, что у меня совсем не нашлось времени, чтобы сполна оценить изящество и красоту тех барышень. В этот раз я непременно должна наверстать упущенное! Мне, как признанному знатоку прекрасных бутонов, пришлось столь долго крутиться в делах, что теперь самое время как следует расслабиться и вкусить утех.

Чжэнь Вэньцзюнь не нужно было даже прислушиваться к голосу, напиши эти строки на пергаменте, она с первого взгляда угадала бы автора.

Выйдя вслед за Вэй Тинсюй наружу, она увидела А-Ляо, которая устроилась у костра в плотном кольце очаровательных девиц. Девушки внимали её восторженным бредням, и никто не находил в них ничего предосудительного. Напротив, лагерь то и дело оглашался их кокетливым смехом.

А-Чжэн держала в руках изящную коробочку с румянами. Подушечкой безымянного пальца она подцепила немного яркой краски и принялась нежно, едва касаясь, подводить губы А-Ляо.

– Вот только в обоз мы сможем принять от силы ещё двух барышень, иначе наша повозка Цинъюань просто не вместит всех красавиц.

А-Ляо по-прежнему щеголяла в летящем мужском платье. Фруктово-зелёная накидка причудливо сочеталась с двумя красными шёлковыми лентами, спускавшимися от нефритового венца на макушке, а веер, который она вечно таскала с собой, сейчас был сложен и покоился в руке. Её миндалевидные глаза источали притворную страсть, а алые губы тронула игривая улыбка. Перехватив ладонь А-Чжэн в свои руки, она сладострастно вздохнула:

– Повозку всегда можно сменить на новую, а вот упущенную красавицу уже не вернуть вовек. Как вспомню мою бедную барышню А-И... В столь нежном возрасте увял такой прекрасный цветок, да ещё и от моих собственных рук. Каждый раз, стоит подумать, как её великолепное тело изрубили в клочья и утопили в пучине озёрных вод, сердце кровью обливается. Представляю, в какое непотребство её там размыло, эх... А во всём виновата ты! – А-Ляо резко вскинула веер, указав им прямо на вышедшую из шатра Вэй Тинсюй. – Ты бессердечная женщина, которая способна лишь безжалостно губить истинную красоту!

– Ты опять за своё, – отозвалась Вэй Тинсюй. – Когда я велела тебе сблизиться с А-И, ты не слишком-то упиралась. Столько времени прошло с её смерти, а ты целыми днями твердишь об этом, самой-то не надоело?

– Откуда тебе, бездушной женщине, знать мои муки? Мне в последние дни барышня А-И то и дело перед глазами мерещится, я из-за этого ни спать, ни есть не могу. А-Чжэн, погляди на меня, я же совсем исхудала... – А-Ляо принялась капризно ластиться к А-Чжэн.

Вышедшая вслед за Вэй Тинсуй Чжэнь Вэньцзюнь, глядя на её ужимки, решительно не могла этого понять. Но ещё больше её удивляла А-Чжэн. Если бы Вэй Тинсуй вела себя так же легкомысленно, меняя пристрастия как перчатки, Чжэнь Вэньцзюнь ни за что не стала бы связывать с ней судьбу. Однако А-Чжэн и все эти сестрицы вокруг А-Ляо, судя по всему, принимали её привычку влюбляться и флиртовать с каждой встречной красавицей как нечто само собой разумеющееся. Видно, они уже не обращали на это внимание.

Впрочем, оно и понятно, в эту эпоху смут обрести опору в лице могущественного дома и перестать быть беспомощной ряской в бурном потоке было заветным желанием любого человека, а уж тем более женщины, которой закрыт путь на государственную службу. А-Ляо была натурой страстной, утончённой, да к тому же сама являлась женщиной. Искать у неё покровительства было куда безопаснее и приятнее, чем у иных жестоких тиранов или коварных амбициозных героев.

– А-Ляо тоже отправится с нами на тракт Ваньсян? – Чжэнь Вэньцзюнь налила для Вэй Тинсуй чашу рисового отвара. К тому времени как та умылась, похлёбка как раз немного остыла, став идеальной температуры. Чжэнь Вэньцзюнь осторожно пригубила отвар с краю и лишь затем протянула чашу Вэй Тинсуй.

Та приняла подношение и сделала два небольших глотка:

– Ты иди своим путём, а мы с А-Ляо просто путешествуем в своё удовольствие.

Чжэнь Вэньцзюнь едва не расплакалась от досады:

– Цзычжо, ну хватит шутить. Раз уж ты пустилась на хитрость и приехала сюда, у меня всё равно не хватит духу прогнать тебя обратно. Я даже не стану попрекать тебя тем, что ты пользуешься моей любовью и так бессовестно меня изводишь. Но я лишь сомневаюсь... этот путь таит в себе слишком много преград. Все эти сестрицы подле А-Ляо выглядят такими хрупкими и изнеженными, боюсь, они просто не вынесут тягот этой бесконечной тряски в дороге.

Видя, как мило та признаёт своё поражение, Вэй Тинсуй перестала её дразнить и с самым серьёзным видом произнесла:

– Я прекрасно отдаю себе отчёт в том, какие опасности подстерегают нас на тракте Ваньсян. Я никогда не стану для тебя обузой и уж тем более не привезла бы с собой бесполезный балласт. Повозка А-Ляо «Цинъюань» таит в себе немало скрытых чудес. Каждая из этих барышень обладает уникальным, завидным мастерством. Они вовсе не простые служанки. Через несколько дней ты сама убедишься, на что они способны.

– О? – Чжэнь Вэньцзюнь обернулась, чтобы ещё раз взглянуть на А-Ляо, и внезапно обнаружила, что А-Чжэн снова пристально наблюдает за ней. От этого взгляда ей, как и прежде, стало не по себе.

Она вспомнила, что прошлый раз в Бамбуковой обители А-Чжэн точно так же разглядывала её. Интересно, ради чего?

Неужто их пути уже пересекались в прошлом? Это казалось маловероятным. У А-Чжэн было утончённое, ясное лицо и на редкость кроткий нрав, и повстречай Чжэнь Вэньцзюнь такую женщину раньше, она бы ни за что об этом не позабыла.

Притворившись, будто ничего не заметила, Чжэнь Вэньцзюнь медленно повернулась обратно и

к своему изумлению увидела, что Вэй Тинсуй уже осушила чашу до дна. А ведь в былые времена в поездках та не прикасалась к еде вовсе. Даже когда Сяохуа очищала, нарезала и выставляла перед ней целое блюдо изысканных яств, она и бровью не вела.

- Цзычжо, неужто ты так сильно проголодалась? Давай я принесу тебе ещё чашу.

Вэй Тинсуй удержала её за руку и покачала головой:

- Нет, я сыта.

Оказывается, теперь она полностью и безраздельно доверяла Чжэнь Вэньцзюнь. Раз та самолично попробовала отвар, значит, в нём определённо не было яда, и она могла со спокойной душой глотать пищу. К тому же ей искренне не хотелось обижать Чжэнь Вэньцзюнь отказом, пусть даже в обычные дни она ни за что не стала бы пить пустой рисовый отвар, если к нему не подавали свежую морскую рыбу или сочные побеги красного бамбука.

Когда все насытились, Сяохуа вместе с несколькими служанками А-Ляо в мгновение ока прибрали кухонную утварь, пока обозные слуги спешно упаковывали поклажу и сворачивали шатры. Чжун Цзи тоже приехала вместе с ними, она молча закинула на спину свой драгоценный лекарственный сундучок и на ходу погрузилась в чтение какого-то свитка.

Цзо Куньда, лично назначенный Ли Яньи на пост «Коменданта Ваньсян», как раз вернулся из разведки во главе десятка передовых всадников. Соскочив с коня, он в нерешительности переводил взгляд с Чжэнь Вэньцзюнь на Вэй Тинсуй, не зная, кому именно надлежит докладывать. Вэй Тинсуй произнесла:

- В этом походе Вэньцзюнь главный военачальник, и все до единого обязаны подчиняться её приказам. О любых изменениях впредь докладывай напрямую ей.

- Слушаюсь! - Цзо Куньда почтительно сложил руки перед Чжэнь Вэньцзюнь:

- Докладываю госпоже: впереди на протяжении ста ли нас ждёт извилистая горная тропа, окутанная густым туманом. Стоит преодолеть этот горный перевал, и мы вновь выйдем на тракт. Переправившись через реку Цюшуй и продержавшись в пути ещё три дня, мы достигнем Нанья. Дороги в Нанья прескверные, чтобы не рисковать караваном, на её пересечение уйдёт не менее полумесяца. По моим расчётам, когда наши повозки доберутся до самых окраин Великой Юй, там как раз начнётся сезон проливных дождей. Нам жизненно необходимо запастись непромокаемыми вещами, особенно плотной клеёнкой, чтобы укрыть телеги, иначе шелка и чай спасти не удастся.

Цзо Куньда долгие годы провёл в седле, развозя казённые донесения, оттого и ведал обо всех климатических причудах здешних мест. Даже в отсутствие А-Си его опыт был неоценим.

Закупив пятьсот рулонов плотной масляной ткани, караван с грохотом покатился вперёд. Стоило им достичь пограничных рубежей, как на них и впрямь обрушилась небесная кара. Ливень хлынул стеной, из-за чего продвижение повозок по скользким горным тропам превратилось в сущую пытку. Потоки воды настолько заливали глаза кучерам, что те ехали вслепую, а тут ещё и напозла глухая пелена тумана. Никто не смел взмахнуть плетью, погонщикам приходилось спешиваться и вручную, шаг за шагом, бережно вести лошадей под уздцы по краю обрыва.

Чжэнь Вэньцзюнь до этого сидела в повозке, но, оценив обстановку, не на шутку испугалась. Прояви кучер хоть каплю невнимательности, и телеги рухнут в ущелье, похоронив все их

труды. Она набросила соломенный плащ, соскочила на землю и сама повела под уздцы лошадей, тянувших повозку Вэй Тинсуй, бережно пробираясь сквозь мрак. К счастью, Чжэнь Вэньцзюнь уже ходила в этих краях, досконально помнила каждый крутой поворот горной тропы и могла лучше остальных направлять повозки. Она кричала во весь голос, предупреждая идущих впереди погонщиков о крутых изгибах скал. Когда им наконец с огромным трудом удалось миновать горный перевал и выехать на ровный тракт, Чжэнь Вэньцзюнь уже промокла до нитки, а голос её совершенно сорвался.

Стоило им достичь границ округа Суду, как в горах начался бурный сход селевых потоков. Чжэнь Вэньцзюнь без устали командовала людьми, уводя обоз подальше от бушующей стихии, и за всю ночь не сомкнула глаз ни на секунду.

Вэй Тинсуй, сидевшая в мерно покачивающейся повозке, то и дело всматривалась в пелену дождя за окном, но сквозь бурные потоки силуэт её спутницы едва угадывался.

– Тинсуй, почему ты не велишь Вэньцзюнь поскорее укрыться внутри? – заговорила А-Ляо, наблюдая, как Чжэнь Вэньцзюнь мечется среди повозок, из последних сил натягивая поводья и истошно выкрикивая приказы, совершенно не замечая, что дождь и грязь сплошной коркой залепили ей всё лицо. В глубине души А-Ляо было искренне жаль её. – Горные потоки – дело смертельно опасное. Случись оползень, её ведь заживо погребёт. В такой суматохе оступиться и рухнуть со скалы в бездну, потом костей не соберёшь.

Однако Вэй Тинсуй и не думала звать её назад:

– Она не ровня тем тепличным цветам, которых ты привыкла лелеять подле себя.

– Ой, кого это ты назвала тепличными цветами? Мои барышни обладают завидным мастерством, ты и сама об этом знаешь. Просто мне претит смотреть, как мои ненаглядные терпят лишения. Погляди на сестрицу Вэньцзюнь, сущая ведь малютка, а под твоим началом за эти годы обтесалась и огрубела. Тинсуй, люди воистину правы, когда называют тебя бессердечной женщиной.

Вэй Тинсуй лишь усмехнулась в ответ:

– Мы знакомы столько лет, и ты только сейчас сподобилась узнать, что я черства сердцем?

А-Ляо, припомнив что-то, лукаво скрестила руки и захихикала:

– Хи-хи, мы знакомы столько лет, но я и подумать не могла, что тебе по вкусу именно такой нрав. Сестрица Вэньцзюнь и умом глубока, и в отваге ей равных нет. Неужто сердце нашей Тинсуй наконец-то дрогнуло?

Вэй Тинсуй не проронила ни «да», ни «нет». Сидевшая подле них Сяохуа, что без устали прислуживала хозяйкам, при этих словах лишь едва заметно вскинула ресницы. Головы она не подняла, однако в груди у неё воцарилась глухая, тревожная паника.

– Помнится, когда ты только заслала сестрицу Вэньцзюнь к Императрице, я ещё размышляла, что вот повзрослеет малютка, наберётся опыта, да сможет в одиночку вершить великие дела ради Вэй Тинсуй, и тогда я со спокойной душой заберу своих верных барышень и отправлюсь странствовать по Поднебесной. А теперь погляжу сестрица Вэньцзюнь не просто способна сама вести полки, она, кажись, полностью и без остатка заполонила всё сердце Тинсуй! Ах, какая радость, какие хорошие вести, поздравляю, поздравляю! – А-Ляо сама вовсю упивалась собственными речами. – Как вспомню, сколько сил ты извела в прошлый раз, пытаюсь отыскать

сестрицу Вэньцзюнь... Стольких художников извела, мне тогда казалось, что ты умом повредилась. А на деле-то девичье сердце Тинсуй уже давным-давно сделало свой выбор, верно ведь?

А-Ляо всеми правдами и неправдами стремилась нащупать скрытую струну в её душе, сгорая от нетерпения увидеть, как величественная Вэй Тинсуй проявит хоть каплю девичьего смущения или стыдливости. Будучи подругами детства, они никогда не имели друг к другу сердечной привязанности. А-Ляо влекла лишь чистая, отрешённая любовь к красоте. Ей безумно хотелось запечатлеть в памяти каждую волнительную грань своей подруги.

Что же это будет: ярость от разоблачения или робкая стыдливость? А-Ляо с азартом ждала исхода.

Вэй Тинсуй не выдала себя ни единым явным движением. Если и можно было что-то заметить, так это то, что лицо её стало пугающе ледяным.

А-Ляо мгновенно прикусила язык. Какой бывает подруга в минуты девичьей робости, она отродясь не видела, а вот какое лицо у неё становится перед тем, как отнять чужую жизнь, знала превосходно.

Веки Вэй Тинсуй мелко, едва заметно подрагивали. А-Ляо, возможно, и не уловила скрытого смысла этого знака, зато Сяохуа поняла всё без слов.

Сяохуа слишком хорошо знала, в какую именно затаённую рану угодили слова А-Ляо и о чём именно они ей напомнили.

Повозку швыряло из стороны в сторону так, словно она вот-вот разлетится в щепки. Просторная и пышная повозка А-Ляо «Цинъюань» сейчас напоминала яркий, пёстрый леденец, зависший на тонкой нити над бездной, готовый в любую секунду сорваться со скалы. Запертые внутри девушки затаили дыхание, не смея вздохнуть во всю грудь: казалось, малейший выдох способен сдуть повозку в бездонную пропасть.

Чжэнь Вэньцзюнь вместе со своими воинами тянула, толкала и удерживала телеги. Словно верный вол, усердно пашущий раскисшую от ливня землю, она шаг за шагом упрямо вытаскивала караван из зоны бушующих горных потоков. Если не считать двух разбитых повозок с чаем, люди вышли из этой переделки невредимыми, а из товаров пострадало лишь тридцать рулонов шёлка, слегка подмоченных водой. Для столь сурового испытания подобный исход Чжэнь Вэньцзюнь сочла более чем успешным. Лишь когда они углубились в земли Суду и проскакали ещё целый день, небесная кара утихла, и ливень сменился мелкой моросью. Возвратившийся из разведки Цзо Куньда доложил, что впереди дорога выравнивается, а в трёх ли отсюда стоит небольшой постоялый двор, подле которого раскинулась просторная равнина. Идеальное место для лагеря и отдыха.

Кое-как Чжэнь Вэньцзюнь довела измученный караван до стен постоялого двора. Лично досмотрев, как слуги накрепко увязывают тюки с поклажей, и расставив ночных часовых для охраны добра, она в полном беспамятстве и изнеможении побрела к дверям, чтобы наконец воссоединиться с Вэй Тинсуй и остальными гостями.

Земли Суду были узкими и вытянутыми с востока на запад, поэтому пересечь их с севера на юг не составляло большого труда. Этот постоялый двор ютился у самого подножия диких гор на южной границе Суду. Заведение было крошечным, однако хозяйка встретила гостей с отменным радушием.

Стоило Вэй Тинсуй и остальным переступить порог, как хозяйка трактира лично поспешила им навстречу. На вид ей было около тридцати лет, облачённая в традиционные одежды племени Гуцянь, она прятала лицо за полупрозрачной вуалью. Женщина вполне сносно изъяснялась на срединном наречии, хотя и с заметным акцентом, расспрашивая, не желают ли почтенные путники остановиться на ночлег.

Много дней они провели в непрестанной гонке, а из-за затяжных дождей разбить лагерь было делом немыслимым, так что ночёвки в повозках измотали всех до предела. Даже в просторной «Цинъюань» А-Ляо, несмотря на наличие мягких лежанок из морской травы, сон не приносил покоя. Что уж говорить о повозке Чжэнь Вэньцзюнь и Вэй Тинсуй. Чжэнь Вэньцзюнь приложила все силы, чтобы обустроить внутри мягкий и уютный уголок, но одна лишь бесконечная дорожная тряска была способна превратить поездку в сухую пытку. Вэй Тинсуй за всё время не проронила ни единого упрёка, однако Чжэнь Вэньцзюнь всем сердцем понимала, насколько тяжело приходится её спутнице.

Раз уж на пути наконец-то попался постоялый двор, следовало остановиться и перевести дух.

С виду он казался засаленным и не слишком опрятным. Мрачная деревянная постройка делилась на два яруса: внизу теснились столы для постояльцев и кухонный очаг, а наверху располагались пять жилых комнат. Атмосфера в заведении казалась необъяснимо зловещей. Окинув зал беглым взглядом, Чжэнь Вэньцзюнь заметила, что здесь повсюду жгли белые свечи. Неужели таков был обычай племени Гуцянь? Чжэнь Вэньцзюнь внезапно вспомнила, что Сяохуа ведь сама была родом из Гуцянь. Стоило расспросить её, и та наверняка пролила бы свет на эту странность.

– Я покинула Суду в самом нежном возрасте, оттого и многие обычаи стёрлись из памяти, – честно отозвалась Сяохуа.

Проведя несколько дней под проливным дождём и в корне выбившись из сил, Чжэнь Вэньцзюнь едва волочила ноги, её колени подкашивались, а веки словно налились свинцовым жаром. Накатывающие волны головокружения не оставляли сомнений, что её продуло коварным горным ветром, и впереди её ждал тяжёлый недуг. Из последних сил она штрих за штрихом обследовала каждый закоулок постоялого двора. Убедившись, что, кроме вековой грязи, ничего откровенно подозрительного здесь нет, она со спокойной душой повела Вэй Тинсуй наверх.

Ливень к тому времени почти утих. Цзо Кунда вместе со слугами принялся разбивать лагерь под открытым небом у стен постоялого двора. А-Ляо со своими девушками безраздельно заняла четыре комнаты, а последнюю, пятую, уступили Вэй Тинсуй и Чжэнь Вэньцзюнь. Сяохуа усердно отмыла и вытерла каждый предмет в покоях, безжалостно выбросила местное тряпье и застелила ложе привезёнными из дома шёлковыми одеялами и пушистыми мехами. Стоило ей зажечь благовония, как комнату окутал тот самый родной, приносящий покой аромат поместья Вэй.

Благодаря умелым рукам Сяохуа грязная комната вмиг преобразилась в чистую и уютную обитель, и Чжэнь Вэньцзюнь наконец-то смогла рухнуть на постель.

– Она горит как в лихорадке, – Вэй Тинсуй коснулась лба Чжэнь Вэньцзюнь, кожа под её ладонью была обжигающе горячей.

Девушка почти мгновенно забылась тяжёлым сном. Вэй Тинсуй велела Сяохуа принести лекарство. Помощница послушно отозвалась: «Слушаюсь». Однако, сделав пару шагов к дверям, она внезапно замерла и повернулась обратно.

Вэй Тинсуй устремила на неё вопрошающий взгляд.

– Госпожа, не забывайте, ради чего всё это замышлялось с самого начала.

От этих слов в глазах Вэй Тинсуй на миг полыхнуло опасное пламя.

Сяохуа прекрасно знала, что её хозяйка органически не переносит, когда кто-то пытается указывать ей или лезет с советами в её планы. У Вэй Тинсуй всегда имелся собственный, холодный расчёт. Однако сейчас события набрали столь стремительный ход, балансируя на грани полного утери контроля, что Сяохуа просто не могла больше молчать.

– Пусть даже госпожа велит наказать меня, эта слуга обязана высказать то, что у неё на душе. С тех пор как не стало Линби, узлы между вами и Чжэнь Вэньцзюнь ковались у меня на глазах. Первой заставила её ослабить бдительность именно Линби, таков был ваш первоначальный замысел, о котором сама покойная и не знала. Но скажите, госпожа, сколько от того прежнего плана уцелело в вашей душе к сегодняшнему дню? Помните ли вы ещё те бесчисленные ужасы и пороки, что лицеизрели во время наших странствий по Великой Юй? Молю лишь о том, чтобы госпожа никогда не забывала о своей великой цели и не позволяла девичьим чувствам погубить дело всей жизни. Помните ли вы, ради чего решили возвести Ли Яньи на императорский престол? Если память ещё жива в вашем сердце, вы должны понимать, что вам нельзя становиться точно такой же, как она.

Сяохуа пала ниц, распластавшись по полу. Она произносила эти слова, не поднимая головы, но каждый её слог звучал весомо, чеканно и без малейшего колебания.

– Похоже, эти речи ты таила в своём сердце очень и очень давно, – отозвалась Вэй Тинсуй. В её голосе можно было уловить как предвестие яростной бури, так и мягкую, ласковую заботу, даже Сяохуа не в силах была разгадать её истинный тон.

– С тех самых пор как ничтожная я сподобилась прислуживать госпоже, все мои помыслы устремлены лишь к вашей судьбе.

Вэй Тинсуй негромко выдохнула:

– Я поняла тебя. Ступай, приготовь мне чего-нибудь перекусить, я изрядно проголодалась.

Сяохуа ещё какое-то время оставалась лежать ниц, затем тихонько вымолвила «слушаюсь» и поднялась, собираясь идти к кухонному очагу.

– Сяохуа.

Когда помощница уже начала закрывать за собой дверь, Вэй Тинсуй негромко окликнула её. Её взгляд намертво приковал к себе девушку:

– Мой великий замысел вовек не будет предан забвению. Премного благодарна тебе за напоминание. И не забывай, что ты должна неотлучно оставаться подле меня до самого конца.

В груди у Сяохуа вскипели горькие слёзы, и она не нашла сил для новых слов. Лишь тихонько спросила:

– Подать поджаренное рыбе брюшко с нежным тофу в бульоне?

Вэй Тинсуй едва заметно кивнула:

- Благодарю за труды.

Помощница покинула покои. Вэй Тинсюй ещё очень долго сидела у края постели, где металась в жару Чжэнь Вэньцзюнь, лицо её словно окаменело, превратившись в застывшую маску.

Спящая смутным сном Чжэнь Вэньцзюнь вдруг испуганно, жалобно застонала в бреду. Внезапным движением она вскинула руку, намертво перехватив ладонь Вэй Тинсюй. Подушечками пальцев она нежно, ласково потёрлась о тыльную сторону её руки и лишь после этого с лёгким вздохом спокойно уснула дальше.

Вэй Тинсюй бережно погладила Чжэнь Вэньцзюнь по горячему лбу. Та покоилась в волоске от неё, прямо перед глазами, но отчего же в её сердце с такой пугающей силой крепла томительная, щемящая тоска?

Первоначальный замысел никуда не сместился, просто Вэй Тинсюй открыла Сяохуа лишь половину истины.

Её великая цель оставалась нерушима, но и Вэньцзюнь она уступать не собиралась. Вот настолько она была жадной до жизни женщиной.

Вэй Тинсюй никогда не притрагивалась к чужой стряпне, куда бы они ни направлялись, она могла съесть лишь пару кусочков того, что Сяохуа приготовила собственными руками. Отправившись на кухню, Сяохуа попросила хозяйку приготовить полторы тысячи порций еды и разнести их по лагерю за стенами, чтобы накормить слуг и воинов, если люди останутся сыты, хозяйке, разумеется, перепадёт щедрая награда.

Для заведения это была колоссальная сделка, и хозяйке следовало бы прыгать от радости. Вот только её постоянный двор ютился в дикой глуши, где обычно останавливались лишь редкие одинокие путники, и столь огромного наплыва гостей она никак не ожидала. Её запасы зерна были крайне скудны.

- Если разделить тот рис и муку, что у меня есть, каждому как раз хватит немного перекусить, - принялась совещаться с ней хозяйка. - Округ Суду славится своими горными богатствами. Что, если я со своими людьми быстро поднимусь на склон, наберу диких кореньев да подстрелю парочку фазанов? Придётся немного подождать, дайте мне всего два часа, и я обещаю, что досыта накормлю всю вашу ораву!

Сяохуа рассудила, что это вполне разумно. Ей неизвестно было, сколько ещё продлится их путешествие. Серебра у них хватало, а вот припасы следовало беречь. По возможности неприкосновенный запас обоза лучше было не трогать.

За эти труды Сяохуа пообещала трактирщице пять таэлей серебра в качестве особой платы. Довольная до безумия женщина, собрав прислугу, поспешила в горы. Сяохуа поступила так не из скупости. В дальних странствиях ни в коем случае нельзя хвастаться богатством. Пусть даже их охранял сильный отряд, лишних неприятностей лучше было избегать.

Хозяйка со своими людьми добрую половину дня копошилась в чащобе и принесла целую гору дикой зелени и лесных грибов. Сваренный из них бульон источал упоительную сладость. Сяохуа вместе с Чжун Цзи с величайшей осторожностью проверили варево на яд. Серебряная игла цвета не изменила, и только после этого грибную похлёбку разнесли по лагерю.

Измученным долгой дорогой людям глоток горячего наваристого супа показался истинным блаженством. Насытившись, воины и слуги сладостно уснули.

Вэй Тинсюй съела немного из того, что приготовила Сяохуа, а затем дала Чжэнь Вэньцзюнь лекарство. Ночь её прошла без сновидений. Однако стоило ей проснуться на следующее утро, как Чжэнь Вэньцзюнь подле неё не оказалось.

Вэй Тинсюй в панике резко села на постели и уже вознамерилась броситься к выходу, как вдруг дверь распахнулась.

– Проснулась? А я вот ходила осмотреть окрестности. Сегодня дождя точно не будет, так что если мы хорошенько припустим коней, то к закату должны покинуть земли Суду, – голос Чжэнь Вэньцзюнь звучал громко, хотя лицо всё ещё оставалось бледным.

Вэй Тинсюй вскинула руку:

– Подойди.

Чжэнь Вэньцзюнь бодро отозвалась:

– Да со мной всё в порядке, честно!

Вэй Тинсюй сурово нахмурилась.

Девушке пришлось послушно приблизиться и прильнуть лбом к её ладони.

– Ну конечно, ты вся горишь.

– Да правда же, я в полном порядке! Вчерашнее снадобье помогло, я чувствую себя невероятно бодрой, просто тело ещё не успело остыть.

– Хватит болтать. Сегодня мы никуда не едем, тебе нужен покой и отдых.

– Нельзя, Цзычжо! В этих краях сезон дождей затяжной. Если мы не воспользуемся ясным днём, чтобы добраться до следующего прибежища, нас намертво заперёт на этой дороге. Нельзя из-за меня одной задерживать весь обоз. Я уже велела запрягать повозки, ждём только, пока ты умоешься, и сразу в путь.

Вэй Тинсюй упрямо покачала головой, словно и не слышала её доводов. Чжэнь Вэньцзюнь пыталась и так и так уговорить её, но всё было тщетно. Тогда, истощив последнее терпение, она просто подхватила Вэй Тинсюй на руки поперёк тела.

Вэй Тинсюй покачнулась и инстинктивно обвила руками её шею. Чжэнь Вэньцзюнь без лишних слов вынесла её из комнаты и направилась вниз по лестнице.

Хозяйка дома даже не пыталась вырваться, безропотно позволяя нести себя прямо к повозке.

Подобное послушание со стороны спутницы изрядно удивило Чжэнь Вэньцзюнь. На самом деле, они провели вместе не так много времени, и капля за каплей открывать в любимом человеке новые черты характера было делом неопишимо увлекательным.

– И почему ты не брыкаешься и даже не бранишь меня? – любопытствовала Чжэнь Вэньцзюнь.

– Когда это я тебя бранила? – отозвалась Вэй Тинсюй. – Силой мне тебя всё равно не одолеть, а начни я вырваться, и зрелище выйдет прескверным. Куда разумнее запомнить этот должок. Впереди у нас уйма времени, и когда мне вздумается, я преспокойно ущипну тебя за бедро или

крутану за руку, так-то оно сподручнее будет.

- ...Цзычжо никогда не была настолько злопамятной.

- Тут ты ошибаешься. Я помню обиды лучше, чем кто бы то ни было.

Едва караван выстроился и приготовился тронуться в путь, как хозяйка в дикой спешке выбежала со двора и грудью преградила дорогу ведущей лошади:

- Осмелюсь спросить, почтенные барышни, неужели вы держите путь через Хребет Диких Лис - Ехулин?

Чжэнь Вэньцзюнь, уже занёсшая ногу над стремянем, обернулась:

- Именно так.

- Неужто вы... - хозяйка понизила голос до едва различимого шёпота, - вознамерились отыскать государство Люхо?

Ни Чжэнь Вэньцзюнь, ни Вэй Тинсуй никак не отреагировали на эти слова, а Сяохуа со всей возможной настороженностью сделала шаг ближе, заслонив собой повозку хозяйки.

- Барышни, у меня и в мыслях не было дурного. Этот Хребет Диких Лис единственная тропа, ведущая в земли Люхо. Столько людей проходило здесь, уходя в эти горы, да только живым назад почти никто не возвращался. Расскажу я вам кое-что, только вы не пугайтесь, - хозяйка, ещё не успев начать рассказ, казалось, сама перепугалась до смерти. Лицо её сделалось мёртвенно-бледным, и она дрожащим пальцем указала на окутанный белёсой пеленой тумана лес позади тракта:

- Там, в этой глуши... водятся призраки!

- Призраки? - Чжэнь Вэньцзюнь лишь снисходительно усмехнулась:

- Правда?

- Вы зря насмехаетесь, неровен час и беду накличете! Старые люди болтают, будто те призраки - духи искателей, что ушли на юг в надежде накопать золота в недрах Люхо да там и сгинули. Больше всего на свете эти твари любят сбивать путников с верной тропы. А стоит несчастным заплутать да впасть в панику, и призраки тут же вселяются в их плоть, и тогда пиши пропало!

Хозяйка расписывала ужасы со всеми подробностями, однако Чжэнь Вэньцзюнь всё равно сочла это глупыми сказками:

- Болтают? И кто же болтает? Сами призраки нашептали? Что ж, тем лучше, я лично не прочь поглядеть, каков из себя этот призрак.

Сколько хозяйка ни упрашивала их одуматься, всё было тщетно. Чжэнь Вэньцзюнь выкрикнула приказ, и весь обоз двинулся вперёд.

Женщина умолкла и, лишь обречённо покачав головой, побрела обратно к дверям постоянного двора.

- Эта торговка, верно, просто хотела удержать нас подле своего очага ещё на пару дней, чтобы

выудить побольше звонкой монеты, – на пути к Ехулину А-Ляо вместе с парой своих миловидных дев, прихватив кувшин с вином, перебралась в просторную карету Вэй Тинсюй. Они рассчитывали скоротать время за беседой, чтобы долгая дорога не казалась столь унылой.

Вэй Тинсюй лишь слабо улыбнулась в ответ. Чжун Цзи, сидевшая здесь же, в углу повозки, усердно раскладывала по мешочкам порции охлаждающих шариков и снадобий на ближайшие дни, время от времени с явной тревогой поглядывая в окно.

– Что ты там высматриваешь? – Сяохуа редко доводилось видеть на лице лекаря столь явное беспокойство.

– Я думаю... – Чжун Цзи испуганно сглотнула, – что та женщина, быть может, вовсе не лгала. Мы уже битый час кружим на одном и том же месте.

Повозка внезапно замерла как вкопанная. Чжэнь Вэньцзюнь резко откинула плотный полог и протиснулась внутрь:

– Похоже, мы заблудились.

Эта короткая фраза мгновенно воскресила в памяти каждого слова испуганной хозяйки: «Сперва призрак заставит вас сбиться с пути, а после вселится в вашу плоть...»

– Ну... ну хватит пугать народ, ладно? – голос А-Ляо даже начал мелко подрагивать. – Небось... небось туман слишком густой, вот дороги и не видно? В этой глуши все деревья на одно лицо!

– Нет, – отрезала Чжэнь Вэньцзюнь с непреклонной суровостью. – Опасаясь плутания, я собственноручно высекала отметины на стволах кинжалом. И мы действительно только что снова выехали к собственным меткам.

В повозке воцарилось тяжёлое, гробовое молчание.

– Хи-хи...

И как раз в тот миг, когда никто не знал, что сказать, из темноты донёсся леденящий душу, противоестественный смешок.

– Хи-хи-хи... Хе-хе-хе...

Сидевшая в самом углу повозки Чжун Цзи без всякого повода, внезапно забилась в глухих судорогах и залилась смехом. Её хохот звучал неопишимо жутко, напоминая резкий, скрежещущий звук, с каким две хрустальные пластины трутся друг о друга, царапая слух.

Вэй Тинсюй и Чжэнь Вэньцзюнь в полном остолебенении переглянулись. С самого детства Чжун Цзи отличалась завидной рассудительностью и строгостью нрава, её никто и никогда не видел смеющейся подобным образом.

Это было похоже на истинное наваждение злых духов.

– Хе-хе-хе-хе... – но не успели они опомниться, как следом за ней зашлась в хохоте Сяохуа. Обычно суровая и неглупая помощница теперь содрогалась всем телом, её лицо исказила страшная гримаса, а черты лица будто сдвинулись с мест. Она смеялась, преодолевая видимую муку, и в этом гоготе сквозило нечто пугающе тёмное.

Чжун Цзи, Сяохуа, А-Ляо и обе её спутницы теперь безудержно, истошно хохотали без

остановки. На их лбах от страшного напряжения вздулись сизые вены, а мышцы лиц свело уродливой судорогой. Просторная повозка в один миг превратилась в зловещий балаган, где актёры, обливаясь липким потом, разыгрывали безумное, неведомое представление.

Вид этого чудовищного зрелища поверг в крайнее замешательство даже искушённую в интригах Вэй Тинсюй. Перехватив ладонь Чжэнь Вэньцзюнь, она вознамерилась увлечь её за собой, чтобы вместе выскочить прочь из этого проклятого возка.

– Хи-хи-хи...

Вэй Тинсюй внезапно вздрогнула.

Стоявшая прямо перед ней Чжэнь Вэньцзюнь высоко заломила длинные брови, её губы мелко задрожали, а бледное лицо исказилось в широкой, мёртвенной ухмылке. Она хохотала в точности так же, как и все остальные одержимые вокруг.

<http://bllate.org/book/17227/1994450>